

не менее, мы видим, что данный вопрос оказался очень обширным, по нему удалось собрать огромное количество материала, что уже говорит само за себя. Произведения М. Веллера смешны, необычны, заставляют задуматься над действительностью, реалиями, людьми.

В своих произведениях Михаил Веллер использует комическое для различных целей. Автор может дружелюбно подшучивать над персонажем, высмеивать политический строй, идеологию, общество определенного периода, критиковать вышеперечисленное. Кроме того, Михаил Веллер использует комическое заострение для деавтоматизации читательского восприятия, а так же для того, чтобы читателя своим произведением заинтересовать. Но следует помнить, что все эти цели словно «поддерживают» авторскую маску юмориста, которую М. Веллер примеряет на себя. Именно эти цели, успешно реализованные, служат основами данной авторской маски и причинами ее появления.

Список литературы

Веллер М. Мое дело / М. Веллер. – М. : АСТ, 2006. – 352 с.

Веллер М. Перпендикуляр / М. Веллер. – М. : АСТ, 2008. – 352 с.

Осьмухина О.Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия : монография / О.Ю. Осьмухина. – Саранск : Изд-во Мордовского университета, 2009. – 288 с.

МОТИВ ЧАЕПИТИЯ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Л.В. Пузырёва

*Научный руководитель: Л.В. Павлова,
доктор филологических наук, профессор (СмолГУ)*

Ф.М. Достоевский был любителем чая. Об этом вспоминали его близкие и знакомые – жена А.Г. Достоевская, Н.Н. Страхов, М.А. Александров, Е.А. Штакеншнейдер, С.Д. Яновский и др. «Чай Федор Михайлович пил крепкий и сладкий, по несколько стаканов, сидя за своим письменным столом, ходя за каждым стаканом через залу в столовую, где стоял самовар и чайный прибор, и наливая его себе сам...» [Александров 1990: 284]. Достоевский строго соблюдал правила заваривания чая, следил за цветом и крепостью напитка. Однако, увлекаясь работой, писатель терял свою требовательность. Например, Н.Н. Страхов вспоминал: «Писал он почти без исключения ночью. Часу в двенадцатом, когда весь дом укладывался спать, он оставался один с самоваром и, попивая не очень крепкий и почти холодный чай, писал до пяти и шести часов утра» [Страхов 1990: 414].

На страницах романов Достоевского часто упоминается чай. Среди исследователей распространена точка зрения, что бытовые детали не играют существенной роли в его произведениях (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, Вяч. Иванов, Д.С. Мережковский и др.). Например, Бердяев утверждал, что в творчестве Достоевского «нет изображения объективного быта, объективного строя жизни» [Бердяев 2011: 389]. Это мнение является устоявшимся, хотя в романах писателя немало бытовых деталей, описаний бытовых подробностей, в частности – связанных с приемом пищи. Одной из них – мотиву чаепития – и посвящена наша статья¹.

Широкое международное распространение чай получил в XVIII веке, а к концу XIX века европейские страны можно было разделить на две группы по преобладавшему в них, наиболее распространенному среди населения напитку – чаю или кофе [Чай и чайная... 1892: 188]. Россия еще в начале XIX века «окончательно заявляет себя чайным государством» [Чай и чайная... 1892: 195], а чай становится национальным русским напитком [Чай и чайная... 1892: 181].

В центре нашего внимания чай как одна из деталей художественного мира романа Достоевского «Братья Карамазовы». В романе «Братья Карамазовы» 34 лексемы с корнем «чай» (*чай*, *чаёк*, *почаевать*). 24 раза они употреблены в значении ‘напиток’, 7 – ‘чаепитие’, 3 – в составе фразеологизма *дать на чай* и обозначает чаевые². В качестве образов сопоставления в тропях лексема *чай* не выступает, однако ее семантика в тексте романа указанными словарными значениями не ограничивается. К тематической группе «чай» мы относим и связанную с ней по метонимическому принципу лексему «самовар». (Другие наименования посуды (чашки, стаканы и др.), встречающиеся в романе, в данной статье не рассматриваются, поскольку говорить об их связи с одним напитком – чаем – нельзя.) Самовар упоминается в «Братьях Карамазовых» 10 раз и также везде выступает в прямом значении (‘устройство для кипячения воды’).

В некоторых случаях чай упоминается в перечне других продуктов. В

¹ Попытки дать историко-культурный комментарий описаниям чаепитий в произведениях писателя уже предпринимались в работах О.А. Дехановой, которые посвящены в большей степени не анализу текстов Достоевского, а описанию традиций русского чаепития [см., например: Деханова, Сокольский 2011].

² Употребление фразеологизма *дать на чай* также связано с взаимодействием персонажей. Иван просит извозчика Митрия зайти к отцу и передать, что он не поехал в Чермашню, и за это дает ему на чай. Слуга Грушеньки открывает Мите ворота ее дома и сообщает, что самой Грушеньки нет, потому что Митя «не раз уже давал ему на чай» [Достоевский 1976а: 356]. Таким образом, на чай дают за передачу какого-то сообщения.

лавке Плотниковых, где Митя оба раза закупал продукты перед поездкой в Мокрое, «было все, что и в любом магазине в столице, всякая бакалея: вина “разлива братьев Елисеевых”, фрукты, сигары, чай, сахар, кофе и проч.» [Достоевский 1976а: 364]. В подобных примерах лексема *чай* добавочными значениями не обладает.

Контексты других словоупотреблений лексемы *чай* в «Братьях Карамазовых» показывают, что она обычно употребляется автором в ситуациях, повествующих о коммуникативном взаимодействии персонажей или об их готовности к коммуникации. По традиции, пришедшей на Русь из Китая, «у нас многие деловые беседы принято вести за чаем, причем часто бывает так, что не начинают и разговора прежде, чем не начнется чаепитие (“вот подадут чайку и потолкуем”) – и это не только в коммерческих делах, но и при переговорах о делах семейных, общественных и т.п.» [Чай и чайная... 1892: 205]. В монографии 1892 года, посвященной чаю, как всем известный отмечался факт, что «чай способствует общительности в широком смысле, что без него многие общественные собрания теряют значительную часть своей притягательной силы, причем чувствуется даже какая-то пустота» [Чай и чайная... 1892: 205]. Указанная особенность чая – способствовать разговору – отразилась на уровне внутритекстовых отношений в романах Достоевского, в частности – в «Братьях Карамазовых». Как правило, лексемы *чай*, *самовар* маркируют¹ ситуации коммуникации. В некоторых случаях лексема *чай* соседствует со словами, называющими коммуникацию: «Знаешь, как начнет рассказывать... Третьего года он нас зазвал к себе на чаек...» [Достоевский 1976а: 124-125], «Ну давай чаю. Я рад, что мы говорим, Иван» [Достоевский 1976а: 210], «...пять рублей на чай пожалуйста, а больше не приму. Трифон Борисыч свидетелем. Уж простите глупое слово мое...» [Достоевский 1976а: 375] и др.

Показательно появление лексемы *чай* в главе «Братья знакомятся», повествующей о начале разговора Ивана и Алеши. Иван, хотя был «до трактиров вообще не охотник» [Достоевский 1976а: 203], пришел в трактир, «чтобы сойтись по условию с братом Дмитрием. <...> Сам он уж кончил обед и пил чай» [Достоевский 1976а: 203]. Он сидел не в отдельной, а в проходной комнате, где из посетителей был только один старичок, который «пил в уголку чай» [Достоевский 1976а: 203]. Открытость комнаты, питье чая в одиночестве настраивают читателя на то, что ожидаемый разговор не состоится. Пришедший Алеша весело

¹ Термин «маркер» мы используем вслед за Р. Бэлнепом, применившим его в своем исследовании структуры романа «Братья Карамазовы». Под маркером у Бэлнепа понимается образ, служащий для напоминания, акцентирования внимания на важном [Бэлнеп 1997: 66].

соглашается на предложение Ивана: «Ухи давай, давай потом и чаю, я проголодался. <...> Давай и варенья...» [Достоевский 1976а: 203]. Уже во время разговора Алеша добавляет: «Ну давай чаю. Я рад, что мы говорим, Иван» [Достоевский 1976а: 210]. Алеша радуется беседе с братом. Обращенная к нему фраза Ивана «Прикажу я тебе ухи аль чего-нибудь, не чаем же ведь ты одним живешь» [Достоевский 1976а: 203] подчеркивает, помимо аскетического питания Алеши, его постоянную готовность вникать в мысли других людей, стремление к «проникновению» в чужое Я, восприятию чужого Я как своего¹.

В других эпизодах упоминание чая также маркирует ситуации общения персонажей. Рассказывая Алеше о старце Зосиме, Фёдор Павлович вспоминает: «Знаешь, как начнет рассказывать... Третьего года он нас зазвал к себе на чаек, да с ликерцем (барыни ему ликер присылают), да как пустился расписывать старину, так мы животики надорвали... Особенно как он одну расслабленную излечил» [Достоевский 1976а: 124-125]. Капитан Снегирев радовался навещавшим его больного сына Илюшу мальчикам, «встречал маленьких гостей с благоговением, ходил около них, услуживал. <...> Стал для них покупать гостинцев, пряничков, орешков, устраивал чай, намазывал бутерброды» [Достоевский 1976а: 486]. Утром в день отъезда Ивана из отцовского дома в Чермашню «Марфа Игнатьевна взошла к нему с обычным ежедневным вопросом: “Где изволите чай кушать, у себя аль сойдете вниз?”» [Достоевский 1976а: 252]. Вопрос неслучайно был ежедневным: Иван не всегда был готов к общению с отцом, которого ненавидел. В это утро Иван сошел вниз, «приветливо поздоровавшись с отцом и даже особенно наведавшись о здоровье» [Достоевский 1976а: 252].

В одном случае пристрастие к чаепитию противопоставляется посту и монашескому образу жизни. Среди осуждений в адрес умершего старца Зосимы прозвучало: «К посту был не строг, сладости себе разрешал, варение вишневое ел с чаем, очень любил, барыни ему присылали. Схимнику ли чаи распивать?» [Достоевский 1976а: 301]. На первый взгляд, чаепитие противопоставляется посту потому, что понимается как «усладительное средство» [Чай и чайная... 1892: 172]: чай пьют как десерт, со сладостями. Однако схимничество предполагает не только строгое соблюдение поста, но и затворничество. Старец же Зосима не жил отшельником, всегда был окружен людьми. Поэтому рассматриваемый пример не противоречит нашему утверждению о маркировании лексикой тематической группы «чай» ситуаций коммуникации. В данном случае

¹ В образе Алеши Достоевский воплощает принцип, сформулированный Вяч. Ивановым как «ты еси» – «твое бытие переживается мною, как мое», «твоим бытием я познаю себя сущим» [Иванов 1916: 418].

приверженность к чаепитию – деталь, которая выделяет образ старца, указывая на его открытость к общению.

Завершение чаепития указывает на окончание разговора или желание персонажа побыть в одиночестве. Рассказывая о посещении денщика Афанасия, Зосима говорит, что по случаю его прихода в семье денщика устроили настоящий праздник, все собрались вокруг самовара – и добавляет: «После чаю стал я прощаться с ними...» [Достоевский 1976а: 287]. Ожидая Грушеньку, «Федор Павлович окончил свой чай как можно пораньше и заперся один в доме» [Достоевский 1976а: 256].

Мотив отказа от чая указывает на замкнутость субъекта. В третье посещение Смердякова Иваном хозяйка дома встретила его словами: «Павел Федорович (то есть Смердяков) очень больны-с, не то что лежат-с, а почти как не в своем уме-с и даже чай велели убратъ, пить не захотели» [Достоевский 1976б: 57]. Вернувшись домой, Иван также отказался от предложенного ему чая. Вскоре перед ним появился черт: «Гость ждал и именно сидел как приживальщик, только что сошедший сверху из отведенной ему комнаты вниз к чаю составить хозяину компанию, но смирно молчавший...; готовый, однако, ко всякому любезному разговору, только лишь хозяин начнет его» [Достоевский 1976б: 71]. Иван «злобно молчал и не хотел заговаривать» [Достоевский 1976б: 71], а когда Черт «говорил, очевидно увлекаясь своим красноречием, всё более и более возвышая голос» [Достоевский 1976б: 84] – Иван «с размаху пустил в оратора» стакан с чаем [Достоевский 1976б: 84]. Смахивая с себя брызги чая, черт ответил: «А ведь я так и подозревал, что ты делал только вид, что заткнул свои уши, а ты слушал...» [Достоевский 1976б: 84]. Бросаясь чаем в собственную галлюцинацию, Иван хочет прервать против его воли длящийся разговор.

К тематической группе «чай» мы причислили и лексему *самовар*. Самовар связан с традициями русского чаепития, он, как предмет повседневного обихода, был непременным атрибутом любого семейного застолья [Самовар – символ русского быта: электрон. ресурс]; он считается символом гостеприимства и радушия хозяев дома [Самовар – символ радушия и гостеприимства: электрон. ресурс]. Лексема *самовар* употребляется Достоевским при описании семейного быта.

Митя готов быть мужем Грушеньки и у ее приятелей «калоши грязные обчищать, самовар раздувать, на посылах бегать...» [Достоевский 1976а: 110]. Денщик Афанасий, принимая у себя Зосиму, собрал всю семью: «Усадил меня, самовар поставил, за женой послал, точно я праздник какой ему сделал, у него появившись» [Достоевский 1976а: 287]. Остывший, нетронутый самовар маркирует здесь невозможность взаимодействовать с другими. Митя застаёт купца

Горсткина храпящим в избе, где «на сосновом столе стоял потухший самовар, тут же поднос с чашками...» [Достоевский 1976а: 339]. Пьяный и спящий Горсткин оказывается физически неспособен к разговору. Когда Иван вернулся после последнего разговора со Смердяковым, «старуха принесла ему самовар, он заварил чай, но не прикоснулся к нему; старуху отослал до завтра» [Достоевский 1976б: 69]. Хотя Смердяков был сыном Федора Павловича Карамазова, в семье его никогда не принимали на равных. Федор Павлович пользовался его услугами, узнавал от него о том, что происходит в доме, но ему за обедом отвечал: «Подавай самовар и скорей сам убирайся, живо» [Достоевский 1976а: 250]. Тепло самовара сплавивает вокруг него всех членов семьи, а отказ от чаепития за самоваром – свидетельствует об усталости, депрессивной сосредоточенности персонажа на своих мыслях.

Анализ контекстов, в которых употреблены лексемы тематической группы «чай» в романе «Братья Карамазовы», позволяет сделать вывод, что они используются автором при описании ситуаций реальной или потенциальной коммуникации, общения персонажей друг с другом. Совместное чаепитие, согласие попить с кем-то чаю, посидеть у самовара означает взаимодействие между людьми или их готовность пойти на контакт. При этом сама по себе лексема *чай* и слова этой тематической группы не приобретают переносного или добавочного значения, не становятся символами. Они выполняют роль маркеров, отмечающих собой ситуации реального или потенциального общения персонажей.

Воспоминания современников писателя позволяют сопоставлять выводы нашего исследования с жизнью писателя. С.Д. Яновский вспоминал о своих беседах с Достоевским: «Потом мы усаживались за чайный столик, и я слышал обычную фразу: “Ну, а мне полчашечки и без сахару, я сначала вприкусочку, а вторую с сахаром и с сухариком”. И это повторялось каждый день. За чаем же мы беседовали о разных предметах, но более всего о медицине, о социальных вопросах, о вопросах, касавшихся литературы и искусств, и очень много о религии» [Яновский 1990: 232]. Определяя место чая как художественной детали романа «Братья Карамазовы», Достоевский реализовал представления о чае как национальном русском напитке, неотъемлемом атрибуте любой беседы.

Список литературы

Александров М.А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872-1881 годах / М.А. Александров // Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников / сост. и коммент. К. Тюнькина : в 2 т. – Т. 2. – М., 1990. – С. 251-324.

Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Смысл творчества: опыт оправдания человека. – М., 2011. – С. 382-528.

Бэлнел Р.Л. Структура «Братьев Карамазовых» / Р.Л. Бэлнел. – СПб. : Академический проект, 1997. – 144 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Т. 14 : Братья Карамазовы. Кн. I–X. – Ленинград : Наука, 1976а. – 512 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Т. 15 : Братья Карамазовы. Кн. XI–XII. Эпilog. Рукописные редакции. – Ленинград : Наука, 1976б. – 624 с.

Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия / В.И. Иванов // Иванов В.И. Борозды и межи. Опыты эстетические и критические. – М., 1916. – С. 400-435.

Самовар – символ радушия и гостеприимства [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://20th.su/2010/03/17/samovar-simvol-radushiya-i-gostepriimstva> (дата обращения: 14.01.2013).

Самовар – символ русского быта [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.samovarov.net/content/samovar-simvol-russkogo-byta> (дата обращения: 20.01.2013).

Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском / Н.Н. Страхов // Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников / сост. и коммент. К. Тюнькина : в 2 т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 375-532.

Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая / сост. А.П. Субботин. – СПб., 1892.

Яновский С.Д. Воспоминания о Достоевском / С.Д. Яновский // Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников / сост. и коммент. К. Тюнькина : в 2 т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 230-251.

МИФ О ПРОВИНЦИИ И БЛИСТАТЕЛЬНОЙ СТОЛИЦЕ В ЦИКЛЕ СТАТЕЙ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ДНЕВНИК ПРОВИНЦИАЛА В ПЕТЕРБУРГЕ»

К.Ю. Арзамасцев

*Научный руководитель: Е.Г. Постникова,
кандидат филологических наук, доцент (МаГУ)*

Средства массовой информации в наши дни активно занимаются мифотворчеством и укреплением в сознании людей старых мифов. Этот процесс легко объясним: миф универсален для людей всех возрастов и слоев населения, с помощью него легко упростить и уложить в массовом сознании огромные массивы информации, описывающей окружающий мир во всей сложности и многообразии.

Одним из популярнейших мифов современного медийного пространства является миф, повествующий о яркости, необыкновенности столичной жизни и ограниченных жителях страны, готовых на все, чтобы в эту самую жизнь погрузиться. Столица в этой мифологеме выставляется светочем знаний и мерилом всех вещей, а провинция – серостью и убогостью, от которой надо скорее бежать. Провинциал, согласно данному мифу, изо всех сил стремится к завоеванию столицы, полному